

Политические вызовы 2020 года и их последствия для экономической модели республики Беларусь

Шамахов В. А.¹, Межевич Н. М.², *

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Выборы, прошедшие в республике Беларусь в августе 2020 года, и последующее развитие политической ситуации существенно повысили экономические риски для народного хозяйства страны. Однако прогнозы, связанные с существенным ослаблением экономики, не оправдались. Белорусскую экономику можно называть «гарнизонной» или «мобилизационной», но она выдержала уникальное для мирного времени испытание.

Ключевые слова: национальная экономическая модель, Беларусь, ВВП, государственный сектор, сфера услуг

Для цитирования: Шамахов В. А., Межевич Н. М. Политические вызовы 2020 года и их последствия для экономической модели республики Беларусь // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 10–17.

Political Challenges of 2020 and their Implications for the Economic Model of the Republic of Belarus

Vladimir A. Shamakhov¹, Nikolay M. Mezhevich², *

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe of Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

The elections held in the Republic of Belarus in August 2020 and the subsequent development of the political situation have significantly increased the economic risks for the country's national economy. However, forecasts related to a significant weakening of the economy did not materialize. The Belarusian economy can be called "garrison" or "mobilization", but it has passed a unique test for peacetime.

Keywords: national economic model, Belarus, GDP, public sector, services sector

For citing: Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Political Challenges of 2020 and their Implications for the Economic Model of the Republic of Belarus // Administrative consulting. 2021. N 8. P. 10–17.

Понятие экономической модели присутствует в большинстве экономических теорий, и, разумеется, детально прописано в рамках институциональных подходов. Несмотря на очевидную принадлежность к экономической науке понятие «экономическая модель» имеет явный междисциплинарный характер.

Во-первых, экономическая модель является неотъемлемой частью понимания, с одной стороны, исторического становления страны, а с другой — влияет на перспективы дальнейшего развития.

Во-вторых, экономическая модель тесно связана с политикой, предопределена ключевыми политическими решениями. Этот вопрос особо важен в рассматриваемом случае, когда речь идет о развитии Республики Беларусь в 2020 г.

Третий, особо важный, момент. Для понимания экономической модели очень важен критерий стабильности экономики в исследуемый период. Иными словами, говорить об экономической модели в условиях войны, нестабильности, воздействия внешних сил, направленного на смену характера экономики и/или политических институтов, — заранее закладывать ошибку в анализ.

Приведем определение, предложенное коллегами из Института экономики РАН и разделяемое авторами данной статьи: «Экономическая модель — это результат увязывания через соответствующие институты целей национального социально-экономического развития с имеющимися материальными и интеллектуальными ресурсами, особенностями геоэкономического положения, культурными традициями, с одной стороны, и трендами развития мировой политики и экономики, вопросами национальной безопасности, с другой» [9, с. 100]. Обратим внимание на комплексность подхода и отсутствие указания на то, что речь идет исключительно о рыночной экономике. Где заканчивается рыночная экономика? При какой доле ВВП утрачивается неуловимый дух «свободного рынка»? Ответов на эти вопросы нет и быть не может.

Представления о разнообразии рыночных моделей изначально основывались на ключевых экономических характеристиках, таких как доля валового внутреннего продукта, перераспределяемого через государственный бюджет, соотношение долей частной и государственной собственности, специфика механизмов регулирования, осуществляемых как государством, так и рыночными институтами, однако количественные показатели — как минимум, предмет для дискуссий. Это логично. Национальная экономическая модель — это формализованное описание ключевых принципов развития государства. Основу любой современной государственной политики той или иной страны составляет не вообще рыночная экономика, а ее национальная модель.

Национальная экономическая модель Беларуси, как и других постсоветских стран, несет видимый отпечаток крайне сложных трансформаций. Как и в других республиках, «государство больше напрямую не контролирует спрос и предложение в основных секторах экономики, которые теперь, возможно, будут не всегда обеспечивать использование производственных мощностей народного хозяйства надлежащим образом» [8, с. 21]. Однако в отличие от большинства других республик, от России до Узбекистана, этап дерегулирования и резкого снижения роли государства закончился достаточно быстро к 1996–1998 гг. При этом экономические показатели не только не показали падения, но отразили устойчивый рост, опровергая либеральные подходы к макрорегулированию.

До резкого обострения политической ситуации в стране в 2020 г. большинство оппозиционных экономистов признавали (с определенными оговорками) успешность экономического развития страны, рассматривая возможность подобной модели ведения дел в экономике.

Опишем остальные ключевые особенности развития национальной экономики, признаки ее переходного состояния, характер реализуемой экономической модели.

1. Белорусская экономика уже в начале века претерпела переход от преимущественно интенсивного к преимущественно экстенсивному типу экономического роста, где на 1% количественного роста приходится всего 0,82% роста продуктивности [1, с. 106]. Высокая материалоемкость белорусской промышленности при низком технологическом уровне производства — трудно решаемая проблема в рамках действующих экономических практик. При этом ключевые социально-экономические показатели сохраняются на достаточно устойчивом уровне (табл. 1).

Основные социально-экономические показатели Республики Беларусь
Table. Main socio-economic indicators of the Republic of Belarus

2015	2016	2017	2018	2019
Среднемесячная номинальная заработная плата, долл. США)				
413	361	426	476	522
Индексы потребительских цен, процентов				
113,5	111,8	106,0	104,9	105,6

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2020. С. 13.

2. Рост ВВП — традиционный показатель, характеризующий национальную модель экономики. Он далеко не идеален, но серьезной альтернативы не придумано. Обратимся к мнению экспертов Евразийского банка развития (ЕАБР). С их точки зрения, рост в белорусской экономике в первой половине 2020 г. складывается выше ожиданий ЕАБР, однако стагнация внутреннего спроса вызывает опасения в его качестве, отмечают эксперты банка. ВВП страны в январе–мае 2021 г. увеличился на 3,1% (0,9% в I квартале). Рост экономики преимущественно сосредоточен в промышленности: ее вклад оценивается в 2,9 пп. Еще около 0,5 пп. прироста ВВП обеспечил сектор информации и связи. Сильную динамику демонстрируют отрасли промышленности, ориентированные на экспорт: химический сектор, машиностроение, деревообработка¹.

Политический кризис в Беларуси достаточно очевиден, но даже в этих условиях представители оппозиции признают в целом позитивную динамику белорусской экономики. Эксперт BEROC (Белорусской экономической фабрики мысли) Дмитрий Крук признал: «За прошедший год мы наблюдали довольно быстрое восстановление экономики: к апрелю она вернулась на предкризисный уровень и пока продолжает демонстрировать неплохую динамику роста. Если концентрировать внимание на этих тенденциях и отвлекаться от более широкого контекста, — можно считать, что не случилось ничего плохого из того, что могло случиться. Более того, глядя на макроэкономические индикаторы, «в моменте» можно даже утверждать, что экономика растет и дела налаживаются»² (рис. 1).

3. Беларусь проводит политику «социального государства» в ее скандинавском теоретическом варианте, но не имея и трети финансовых возможностей в душевом измерении от Финляндии, к примеру. Низкая производительность труда, отстающая от постиндустриальных и эффективных индустриально развитых государств в 1,5–2 раза не позволяет подвести под задачи социального развития адекватную базу. Отсюда относительно невысокая заработная плата и наличие признаков «уравниловки» при ее установлении. Однако в последние годы повышение доли затрат на трудовые ресурсы в выручке сократило чистую прибыль и ухудшило конкурентные позиции Республики Беларусь по сравнению со странами, имеющими схожие технологии, но более дешевую рабочую силу. «...Несмотря на снижение доходов госу-

¹ Что будет с курсом рубля и ценами, какие риски из-за санкций. Прогноз ЕАБР по экономике Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://www.intex-press.by/2021/07/11/chto-budet-s-kursom-rublya-i-tsenami-kakie-riski-iz-za-sanktsij-prognoz-eabr-po-ekonomike-belarusi/>

² Д. Крук: «То, что хорошо сошлись звезды, не значит, что рост сохранится» [Электронный ресурс]. URL: <https://thinktanks.by/publication/2021/08/30/dmitriy-kruk-to-chto-horosho-soshlis-zvezdy-ne-znachit-chto-rost-sohranitsya.html>

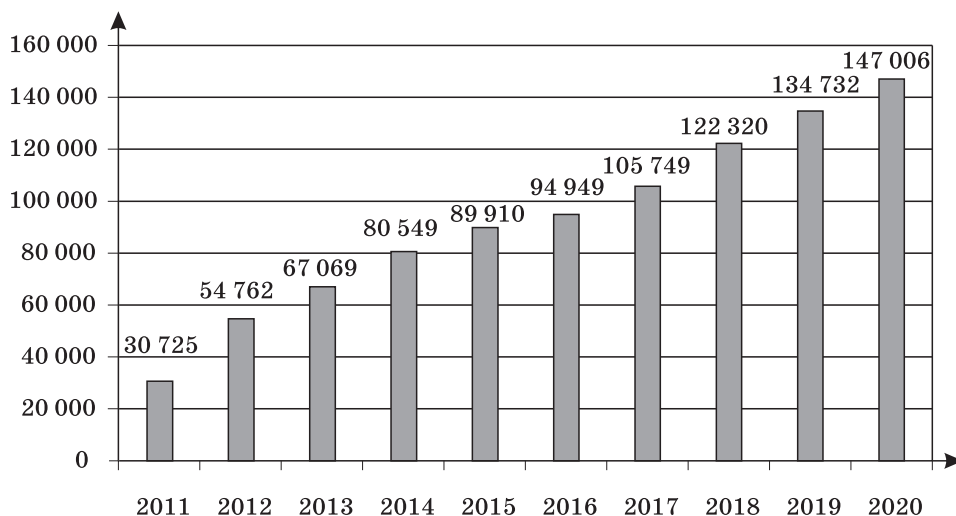

Рис. 1. ВВП Республики Беларусь, млн руб. (2011–2015 гг. — с учетом деноминации 2016 г.)

Fig. 1. GDP of the Republic of Belarus, million rubles (2011–2015 — taking into account the denomination of 2016)

Источник: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics>

дарства и реального сектора поддержан рост доходов домохозяйств. Темп прироста реальных располагаемых денежных доходов населения — 5,4%, при опережающем росте заработных плат (8,2%) и продолжающемся росте потребительского кредитования — 17,4% (на 1 июля 2020 г. по сравнению с 1 июля 2019 г.)¹ (см. рис. 2).

Позитивным итогом развития следует считать то, что в 2018 г. коэффициент Джини, рассчитываемый Всемирным банком, составил 25,2%, что стало одним из самых низких значений среди стран, для которых рассчитывается данный показатель². Например, на iPhone 11 жителю России нужно потратить 1,4 средней зарплаты, белорусу — 2,2³. Но благодаря низкому социальному неравенству условно бедные белорусы живут немного лучше, чем условно бедные россияне.

4. Неполное соответствие системы управления экономикой изменившейся структуре отраслей (с выросшей сферой услуг) и формам собственности (с паритетом частной и государственной собственности) представляет определенной проблемой. За более чем 20 лет в структуре экономики Беларуси выросла сфера услуг. В 1990 г. услуги занимали 29% ВВП, а сфера производства — 69%, в 2000 г. — 38,6 и 48,7% соответственно, в 2013 г. — 44,8 и 44,9%. В 2020 г. сфера услуг формирует почти половину внутреннего валового продукта Беларуси (49,1%)⁴. Очень

¹ Беларусь: экономический обзор. Подготовлен при участии Министерства финансов Республики Беларусь, Национального банка Республики Беларусь, Министерства экономики Республики Беларусь, ОАО «Банк развития Республики Беларусь». Минск, 2021.

² Республика Беларусь. Суверенный рейтинг. АКРА-рейтинг 8 окт. 2020 г. С. 3.

³ Соколов А. Тезисы об экономике Белоруссии: страна для выживания или страна для жизни [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/11/05/845797-tezisi-belorusskoi>.

⁴ Сфера услуг в Беларуси. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/osnovnye-otrasli/sfera-uslug>.

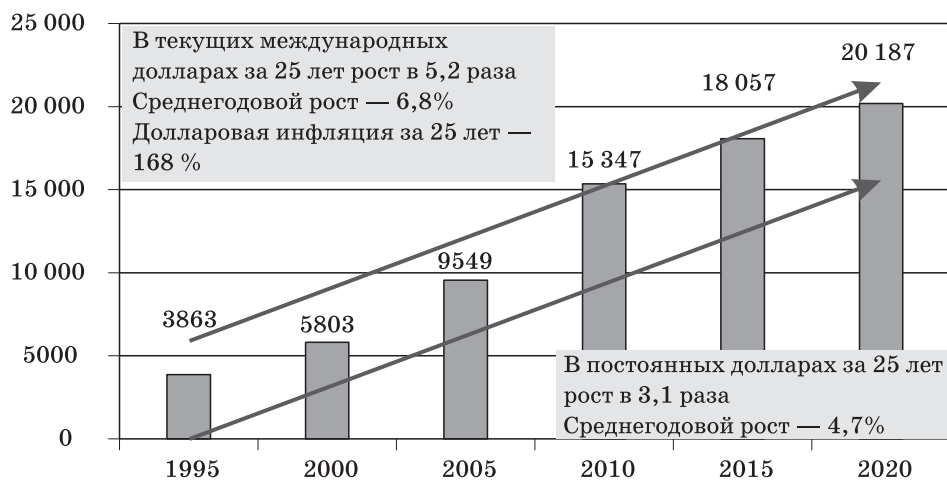

Рис. 2. Динамика роста благосостояния ВВП по ППС на душу населения, долл [4, с. 48]
Fig. 2. GDP per capita growth in wealth, USD

важен еще один показатель. В 2020 г. доля частного сектора в белорусском экспорте товаров и услуг увеличилась с 30,8% (в 2012 г.) до 64,7%¹.

5. Система регулирования экономики концентрируется в основном на предприятиях, которые относятся к обрабатывающей промышленности и сельскому хозяйству. В Беларуси достаточно большую часть экономики составляют организации, основным акционером которых является государство (в 2019 г. около 45% ВВП пришлось на компании с долей государства в уставном капитале более 50%). Правительство предпринимает меры для снижения доли госсектора в экономике, в том числе ужесточая мягкие бюджетные ограничения для государственных компаний и улучшая деловой климат. Многие меры государственной политики направлены на увеличение доли сферы услуг в экономике, поддержку малого и среднего предпринимательства и создание благоприятных условий для функционирования некоторых отраслей (например, ИТ). Частный сектор преимущественно представлен компаниями, работающими в ИТ, легкой промышленности и строительстве².

6. Укажем на то, что значение в экономике Беларуси госсектора постоянно уменьшается в течение как минимум 20 лет. Необходимость реформ, о которых говорит оппозиция, прекрасно понимается Президентом и правительством. Доля занятых на госпредприятиях (государству принадлежит более 50% собственности) уменьшилась за 15 последних лет с 68,8% до 38,1% и составляет 1,2 млн из 4,5 млн занятых. Например, количество рабочих на МАЗе за 10 лет сократилось с 23,8 тыс. до 13,8 тыс. человек. Уменьшается и доля в промышленном производстве ранее доминировавшего в нем госсектора. В сохранении и модернизации доставшейся советской промышленности играет большую роль госсектор, но даже в промышленном производстве его доля уменьшилась с 70% в 2005 г. до 52,4% к 2020 г. [4, с. 52].

¹ Назад в будущее, или краткая историческая справка о белорусском частном секторе [Электронный ресурс]. URL: https://telegra.ph/Nazad-v-budushchee-ili-kratkaya-istoricheskaya-spravka-o-belorusskom-chastnom-sektore-07-07_ftn3

² Республика Беларусь. Суверенный рейтинг. АКРА-рейтинг 8 окт. 2020 г. С. 5.

В чем же заключались разногласия между либеральными экономистами и Президентом? До 2020 г. Президент двигался в направлении разгосударствления, но медленно, применяя меры амортизации. Альтернатива известна. В Санкт-Петербурге за 1992–1993 гг. количество промышленных рабочих уменьшилось на 300 000 человек и каждое второе промышленное предприятие закрылось. Разумеется, этот опыт не был востребован в Минске, где промышленность за годы советской власти стала важным (если не ключевым) фактором развития.

Политические процессы, идущие в Беларуси в последний год, мало повлияли на содержание дискуссий об экономической модели общественного развития. Власть и ее лидеры пережили реформы лично: «В начале 90-х годов псевдолибералы призывали государство вообще уйти из экономической жизни. Это привело к тому, что появилась группа лиц, присвоивших при антинародной приватизации природные богатства страны, ее экономический потенциал и претендовавших на власть в России. В результате российская экономика потеряла за 90-е годы больше, чем за время Второй мировой войны»¹. Уроки российской истории не выучены белорусской оппозицией. Стилистика протеста, уровень проработанности лозунгов и программ заставляет вспомнить о 1991 г. По-прежнему в распоряжении оппозиции нет минимально серьезной экономической и политической программы, хотя бы в масштабе проекта Г. Явлинского. (Программа Г. Явлинского «400 дней» — 50 страниц, последующая версия — «500 дней» — 430 стр.)

Теоретики от белорусской оппозиции хорошо знают академические подходы своих ведущих предшественников и много лет критикуют белорусскую экономическую модель. «В основе данной модели — сохранение неэффективного государственного реального сектора, значимость которого для белорусского государства и общества обусловлена политическими и идеологическими факторами» [10, с. 22]. Однако предложений как реформировать существующую структуру экономики и не потерять минимально достаточную социальную стабильность нет. По-прежнему остается проблема экстраполяции высокой теории на белорусскую почву: «Существует серьезная опасность, подстерегающая исследователя современного экономического роста, увлечься картиной сходных изменений, через которые проходят столь различные по культурным традициям общества, попытаться выстроить жесткую, обязательную для всех стран траекторию развития» [2, с. 23].

В существующей форме белорусская экономическая модель может существовать при существенной российской поддержке. Решением проблемы повышения конкурентоспособности мог бы стать переход от патерналистской, квазиресурсной модели развития экономики к постиндустриальной и инвестиционной. Однако этот путь неизбежно предполагает жесткие и непопулярные реформы, шоковую терапию в версии третьего десятилетия XXI в. Это было невозможно перед выборами, и практически исключено после них.

Товарная структура торговли с Россией по-прежнему выгодна для Беларуси — покупая у России энергоносители по низким ценам, Беларусь поставляет на российский рынок в основном продукцию сельского хозяйства и промышленности. В 2020 г. экспорт услуг из Беларуси в Россию составил 2,4 млрд долл., импорт услуг из России — 1,4 млрд долл., положительное сальдо — около 1 млрд долл. [7, с. 10].

По мнению экспертов, даже если Запад введет секторальные санкции в отношении основных белорусских товаров и запретит закупку продукции нефтяной

¹ *Примаков Е. М.* Современная Россия и либерализм [Электронный ресурс] // Российская газета. 17.12.2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/17/primakov.html>.

и химической промышленности, кооперация с Россией только выиграет, так как белорусские предприятия смогут экспортировать подсанкционные товары в Россию, а российские компании будут ее реэкспортировать на Запад.

Если в 1990 г. негосударственных предприятий практически не было, то в 2013 г. организации без доли государства создавали 49,5% ВВП, столько же, сколько и госсектор. Кроме того, в 2013 г. частный сектор давал 58,4% всего экспорта страны и обеспечивал занятостью 49,4% всех трудовых ресурсов [6, с. 32].

Литература

1. Власенко М. Н. Оценка качественной составляющей экономического роста республики Беларусь // Белорусский экономический журнал. 2011. № 2. С. 100–110.
2. Гайдар Е. Т. Аномалии экономического роста [Электронный ресурс] // Вопросы экономики. 1996. № 12. URL: https://www.iep.ru/files/Gaidar/vopreco_12-1996.pdf.
3. Жигунов Д. И. Риски развития «голландского синдрома» для экономики республики Беларусь // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 мая 2021 г.). Минск : БГЭУ, 2021.
4. Ковалев М. М., Господарик Е. Г. Эволюционные изменения в белорусской модели экономического развития в VI пятилетке // Белорусская думка. 2021. № 6.
5. Лизан И. Ю. Внешнеэкономические связи и согласованная промышленная политика в Союзном государстве: почему нас разделяет то, что должно объединять? Научный доклад / И. Ю. Лизан; Н. М. Межевич, В. А. Шамахов (науч. ред., предисл.). СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019.
6. Рудый К. В. Структурные экономические реформы: необходимость для республики Беларусь и зарубежный опыт // Белорусский экономический журнал. 2015. № 1. С. 30–41.
7. Союзное государство Беларуси и России: результаты для граждан и перспективы / Громыко Ал. А., Рахманов С. К. и др.; Ассоциация внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко. М., 2021.
8. Танзи В. Налогово-бюджетная политика в странах с экономикой переходного периода. Вашингтон : Междунар. валют. фонд, 1993.
9. Трансформация моделей экономики в странах постсоциалистического мира: монография / Отв. ред. М. О. Тураева, Л. Б. Вардомский. М. : ИЭ РАН, 2020.
10. Царик Ю. Белорусская экономика: достижения и ограничения «молчаливых реформ» 2015–2017 гг. Минск, 2017.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Vlasenko M. N. Assessment of the qualitative component of economic growth of the Republic of Belarus // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2011. N 2. P. 100–110. (In Rus).
2. Gaidar E. T. Anomalies of economic growth [Electronic resource] // Economic issues [Voprosy ekonomiki]. 1996. N 12. URL: https://www.iep.ru/files/Gaidar/vopreco_12-1996.pdf. (In Rus).
3. Zhigunov D. I. Risks of the development of the “Dutch syndrome” for the economy of the Republic of Belarus // Economic growth of the Republic of Belarus: globalization, innovation, sustainability: materials of the XIV International scientific and practical conference (Minsk, May 20, 2021). Minsk: BSEU, 2021. (In Rus).
4. Kovalev M. M., Gospodarik E. G. Evolutionary changes in the Belarusian model of economic development in the VI five-year plan // Belarusian Duma [Belaruskaya dumka]. 2021. N 6. (In Rus).

5. Lizan I. Yu. Foreign economic relations and the agreed industrial policy in the Union State: why do we share what should unite? Scientific report / I. Yu. Lizan; N. M. Mezhevich, V. A. Shamakhov (scientific ed., foreshadowed.). St. Petersburg: NWIM of RANEPA, 2019. (In Rus).
6. Rudy K. V. Structural economic reforms: necessity for the Republic of Belarus and foreign experience // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2015. N 1. P. 30–41. (In Rus).
7. Union State of Belarus and Russia: results for citizens and prospects / Gromyko A. A., Rakhmanov S. K. and others; Association for Foreign Policy Studies named after A. A. Gromyko. M., 2021. (In Rus).
8. Tanzi V. Fiscal policy in countries with economies in transition. Washington: International Monetary Fund, 1993. (In Rus).
9. Transformation of economic models in the countries of the post-socialist world: Monograph / Ex. ed. M. O. Turaeva, L. B. Vardomsky. M.: IE RAS, 2020. (In Rus).
10. Tsarik Yu. Belarusian economy: achievements and limitations of “silent reforms” 2015–2017. Minsk, 2017. (In Rus).

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhova@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru